

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Николаус Ленау

Стихи

Перевод с немецкого В. Левика

Николаус Нимбш фон Штреленау (писавший под псевдонимом Николаус Ленау) — крупнейший поэт Австрии.

Австрийская литература, общностью языка связанная с немецкой, в то же время носит на себе достаточно четкую печать национальной самобытности. Политическое, экономическое и культурное развитие Австрии, ее долгое — вплоть до 1918 года — существование в качестве страны, первенствовавшей в лоскутной империи Габсбургов, привело к заметному сближению австрийской литературы с литературами народов, некогда входивших в состав Австро-Венгрии. Это особенно ясно видно как раз на примере Ленау, в поэзии которого так ярко выражен венгерский, а в некоторых произведениях (к примеру, в «Польских песнях») и славянский колорит.

Николаус Ленау родился в 1802 году и умер в 1850 году. Но он не был сознательным свидетелем Мартовской революции 1848 года и предшествовавших ей крестьянских восстаний (1846—1847 гг.), так как уже в 1842 году заболел тяжелым душевным расстройством. Таким образом, вся жизнь крупнейшего австрийского лирика протекала в мрачную полосу европейской реакции — в эпоху «священного союза» европейских монархов, поклявшихся покончить с «гидрой революции». Вдохновителем и энергичным поборником идей «священного союза» был австрийский канцлер Меттерних («князь тьмы», как называли его в свободолобивых кругах Австрии и далеко за ее пределами).

Ленау не видел и не мог видеть выхода из тупика кровавой реакции. Отсюда мрачная окраска многих его стихотворений. Но вместе с тем в вольнолюбивом поэте никогда не угасала вера в конечную победу народов над их поработителями — вера, так гордо звучащая в последних строках его поэмы «Альбигойцы»:

Сетями зла не будет мир опутан!
За муки всех, кто Церковью убиты,
За альбигойцев мстить идут гуситы.
Был Гус, был Жижка, были Лютер,
Гуттен,
Мятеж крестьян, севеннский бунт,
сверженья
Бастилли, — и будет продолженья!

Ленау — тончайший лирик, автор замечательных поэтических пейзажей, где человек и природа как бы сливаются воедино. Это делало его столь близким Тютчеву, который был одним из первых русских переводчиков австрийского поэта. Но истинная оригинальность поэзии Ленау — не в таком «очеловечивании природы» (здесь он только талантливый продолжатель Гете-лирика), а в мятежном самоутверждении неукротимой свободы человеческой личности в эпоху, когда полицейский режим Меттерниха беспощадно убивал человека в человеке.

ФОРМА

Если форма и готова,
знай, поэт, слова пусты
до тех пор, покуда ты
мыслью не наполнил слово.

Есть слова — как облаченье,
под которым тела нет.
Сердце дрогнет им в ответ,
но, увы, лишь на мгновенье.

Наподобие трещотки
стих по рифмам застучит,
и хоть он «мастеровит»,
жалок век его короткий.

РОДИНЕ

Какой далекой стала ты,
о родина моя,
как сердца юные мечты,
как утро бытия!

Сижу печальный на корме,
затерян в бездне вод,
и предо мной в полночной тьме
минувшее встает.

Но странно! Как шумит волна!
То выразить нет слов.
Не о тебе ль поет она,
не твой ли слышу зов?

Я слышу роши смутный шум,
где, баловню судьбы,
мне навевали столько дум
священные дубы.

Я слышу, как с крутых высот
несется твой поток,
как беглецу вдогонку шлет
он горестный упрек.

И трав альпийских аромат,
и дальний звук рожка,
и бубенцы овечьих стад,
и песня пастушка,

и нежный смех румяных уст,
и щебет птичьих стай,
и каждый лист, и каждый куст
твердят: не забывай!

Когда прощался я с тобой,
когда в немой тоске
я обнял клен последний твой,
сходя к чужой реке, —

не удержав горячих слез,
уже у корабля
я клятву верности принес
тебе, моя земля.

И вот гляжу в ночной туман,
и, волю дав мечте,
лечу туда, за океан,
и плачу в темноте.

ТРИ ИНДЕЙЦА

Буря в небе мчится черной тучей,
крутит прах, шатает лес дремучий,
воет и свистит над Ниагарой,
тонкой плетью молнии лиловой
люто хлещет вал белоголовый,
и бурлит он, полон злобы ярой.

Три индейских воина у берега
молча внемлют реву водобега,
озирают гребни скал седые.
Первый — воин, много испытавший,
много в жизни бурь перевидавший,
рядом с ним — два сына молодые.

На сынов глядит старик с любовью,
с тайной болью видит мощь сыновью, —
в гордом сердце та же мгла и буря.
Словно туча, что чернее ночи,
дикое блещут молниями очи.
Говорит он, гневно брови хмурия:

«Белые! Проклятье вам вовеки!
Вам проклятье, голубые реки,
вы дорогой стали нищей своре!
Сто проклятий звездам путеводным,
буйным ветрам и камням подводным,
что воров не потопили в море!

Их суда — отравленные стрелы —
вторглись в наши древние пределы,
обрекли свободных рабской доле.
Все, чем мы владели, им досталось,
нам лишь боль и ненависть осталась.
Так умрем, умрем по доброй воле!»

И едва то слово прозвучало,
отвязали лодку от причала,
отгребли они на середину,
обнялись, чтоб умереть не розно,
и запели песню смерти грозно,
весла кинув далеко в пучину.

Гром гремит и молния змеится,
лодка смерти по реке стремится —
то-то чайкам-хищницам отрада!
И мужчины, гибели навстречу,
с песней, будто в радостную сечу,
устремилась в бездну водопада.

МОНОЛОГ ИНВАЛИДА

(из баллады «Роберт и инвалид»)

Ты говоришь — псы лают на луну!
Да лучше бы я сам отрезал ногу
и кинул псу, когда, трубя тревогу,
рог возвестил проклятую войну,
и ногу эту ради чьей-то славы
я поволок на жертвенник кровавый
или на кухню дьявола, скорей,
которой стало Лейпцигское поле:
кровь, дым, огонь, проклятья, крики боли

отчаянье сирот и матерей,
и груды тел, и вихрем непогоды
гонимый, словно дичь, Наполеон,
и мразь, опять воссевшая на трон,
и торжество «спасителей свободы»,
встречающих роскошным блюдом знать,

что вновь слетелась жирно пировать,
оставив искалеченным солдатам
одно лишь право — кланяться богатым!
Взять хоть меня: оттяпали кусок
и голоду швырнули остальное!
И ради них я обнажал клинок,
навек утратил все мне дорогое,
чтоб мучиться от незаживших ран,
твой хлеб жевать, слоняться отупело,
твоей одеждой прикрывая тело,

и ждать, чтоб этот грустный барабан
отбарабанил жизнь, и ветер вьюжный
развеял прах, забытый и ненужный.

ПРОТЕСТ

Пусть мерзостна в моих глазах порода
убийц и заговорщиков, пускай
во мне лишь ярость будит негодяй
под маскою спасителя народа,

пусть наравне с небесными дарами
мы ставим троны, стран своих оплот, —
не думайте, что мне по нраву тот,
вернее те, кто управляет нами.

Не думайте, что промолчу я в страхе,
что не отдам святому гневу дань,
когда захочет царственная рвань
народ увидеть распростертым в прахе.

Нет, бог свидетель, я в одра хромого
не превращу крылатого коня!
И пусть рука отсохнет у меня,
коль в честь князей я напишу хоть слово.